DOI: 10.31857/S032150750014280-0 *Оригинальная статья / Original article*

Ливан и Ближний Восток: факторы стратегического выбора (по результатам полевых исследований социальных представлений арабской молодежи)

© Белов (Юртаев) В.И.[a], Савичева Е.М.[a,b], Харитонова Е.В.[c], 2021

[a] РУДН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6112-5550; vyou@yandex.ru
[b] ORCID: 0000-0001-8617-3508; savicheva@mail.ru
[c] ИАфр РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3446-8886; evh1956@mail.ru

Резюме. В статье проанализированы актуальные факторы и тренды политического, экономического, социального и правового развития стран Арабского Востока. В фокусе исследования - выявление социально обусловленных приоритетов арабской молодежи, определяющих их видение стратегической ориентации стран региона (векторы: «Восток»; консолидированный «Запад»; «Россия»). На примере Ливана, в котором после взрыва в порту Бейрута (2020 г.) вновь вспыхнули протестные выступления молодежи, представлен срез социальных предпочтений населения, связанных с выработкой национальной идеи и обеспечением национальной безопасности.

Эмпирическую базу исследования составили, прежде всего, данные полевых исследований, проведенных по авторской методике, адаптированной для Ближнего Востока. В современной ситуации ковидной пандемии именно опросные исследования социальных представлений жителей изучаемого региона становятся незаменимым источником реальной информации с мест событий. На основе выявленных закономерностей были определены основные факторы развития стран Арабского Востока: улучшение правовой среды; преодоление межконфессиональных и межэтнических конфликтов, отход от моноконфессионального тренда в развитии региона, доминировавшего в последнее десятилетие. Что касается внешней политики, то социальные представления и установки респондентов однозначно демонстрируют потребность во временной изоляции и ориентацию на создание сильного блока ближневосточных государств. Среди возможных стратегических партнеров наибольшие, но пока неустойчивые, недостаточно сильные, шансы у России.

В целом, исследование показывает, что молодежь Арабского Востока не видит тупика в нынешней, хотя и очень сложной, ситуации. Напротив, все большее значение приобретают такие ценности, как приверженность суверенитету, собственный путь развития, расширение общественного диалога, приоритет внутреннего развития, выработка национальной идеи и патриотическое воспитание молодежи.

Ключевые слова: Арабский Восток, Россия, Запад, Ливан, молодежь, национальная идея, стратегическая ориентация, социальные установки, полевые исследования

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-41001 «Этноконфессиональность в политике на Ближнем Востоке и интересы России».

Для цитирования: Белов (Юртаев) В.И., Савичева Е.М., Харитонова Е.В. Ливан и Ближний Восток: факторы стратегического выбора (по результатам полевых исследований социальных представлений арабской молодежи). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 3. С. 14-23. DOI: 10.31857/S032150750014280-0

Lebanon and The Middle East: factors of strategic choice (based on the results of field studies of social representations of Arab youth)

© Belov (Yurtaev) V.I.[a], Savicheva E.M.[a,b], Kharitonova E.V.[c], 2021

[a] RUDN University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6112-5550; vyou@yandex.ru
[b] ORCID: 0000-0001-8617-3508; savicheva@mail.ru
[c] Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3446-8886; evh1956@mail.ru

Abstract: The article analyzes the current factors and trends in the political, economic, social and legal development of the Arab East countries. The research focuses on identifying socially conditioned priorities of the arab youth that determine the vision of their vision of the strategic orientation of the regional countries (vectors: "East"; consolidated "West"; "Russia"). Based on an analysis of the situation in Lebanon, in which, after the explosion in the port of Beirut (2020) youth protests erupted again, the authors present a snapshot of the social preferences of the population related to the development of a national idea and ensuring national security.

The empirical basis of the study was, first of all, the data of field studies carried out according to the author's methodology, adapted for the Middle East. In the modern covid pandemic situation, it is the survey studies of the social representations of the inhabitants that become indispensable sources of real information from the places of events. On the basis of the revealed patterns, the main expected

factors of development of the Arab East were identified: improving the legal space; overcoming inter-confessional and interethnic conflicts, moving away from the mono-confessional trend in the development, which has dominated over the past decade. In the sphere of foreign policy, the social perceptions and attitudes of the respondents unambiguously demonstrate the demand for temporary isolation, and an orientation toward creation of a strong bloc of Middle Eastern states. Among possible strategic partners, Russia has the greatest, but so far unstable, insufficiently strong chances.

Upon the whole, the study shows that the youth of the Arab East does not see a dead end in the current, albeit very difficult, situation. On the contrary, such values as orientation towards strengthening sovereignty, priority of its own path of development, expansion of public dialogue, an emphasis on internal development, the elaboration of the national idea and the patriotic education of young people are acquiring ever more pronounced significance.

Keywords: Arab East, Russia, West, Lebanon, youth, national idea, strategic orientation, social attitudes, field studies

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 20-014-41001 “Ethnoconfessionality in politics in the Middle East and Russia's interests”.

For citation: Belov (Yurtaev) V.I., Savicheva E.M., Kharitonova E.V. Lebanon and the Middle East: factors of strategic choice (based on the results of field studies of social representations of Arab youth**).** *Aziya i Afrika segodnya.* 2021. № 3. Pp. 14-23. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014280-0

ВВЕДЕНИЕ

В условиях усложнившейся системы международных отношений одним из решающих факторов в борьбе за влияние на Арабском Востоке становится комплексная, многофакторная конкурентоспособность, которая, помимо военных, экономических, финансовых и дипломатических возможностей включает в себя такие факторы, как знание базовых запросов представителей молодого поколения, их представлений о причинах конфликтов и кризисов, особенностей их видения будущего развития своих стран, в т.ч. и в международном сотрудничестве. Многие государства региона к началу 2020-х гг. оказались в ситуации стратегического выбора в поисках путей преодоления политического хаоса и кризиса национальных экономик.

Как представляется, в этой переломной ситуации правящие элиты могут сделать ставку как на поддержку извне, так и на достижение национального консенсуса, ориентируясь в т.ч. на коллективные представления своих граждан. Поэтому эмпирические исследования социальных представлений граждан стран изучаемого региона оказываются все более востребованными.

Проблематика социальных представлений, которые в наиболее общем виде можно определить как совокупность сложившихся у человека (группы людей) социальных установок, стереотипов, мнений, оценок, отношений в адрес других людей, социальных объектов, фактов, явлений и событий, активно разрабатывается как в отечественной, так и в зарубежной социологии и социальной психологии [1-4], оставаясь при этом практически не разработанной темой в отечественной арабистике. Отметим как теоретическое, так и практическое значение данной проблемы [5; 6].

Знание о том, в чем представители региона видят причины сложностей и проблем, каково их видение путей выхода из ситуации и необходимых первоочередных шагов по преодолению кризисных явлений и застоя, их представление о востребованном стратегическом партнере и, наоборот, какие шаги они считают малоэффективными и даже неприемлемыми, может стать необходимым условием и конкурентным преимуществом в налаживания деловых отношений со странами Арабского Востока. В современной ситуации ковидной пандемии именно опросные исследования социальных представлений жителей изучаемого региона становятся незаменимыми источниками реальной информации с мест событий. Проведенное авторами полевое исследование позволило взглянуть на ситуацию в странах Ближнего Востока глазами молодежи из Марокко, Туниса, Египта, Сирии, Ливана, Иордании, ОАЭ, Йемена и др.

В центре внимания находится Ливан, подверженный серьезным испытаниям региональными вызовами - сохраняющейся нестабильностью, угрозами безопасности, в т.ч. национальной, возрастанием влияния внешнего фактора на Ливан и на страны региона, в целом.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Ливан, обладающий чрезвычайно выгодным геостратегическим положением, восточно-средиземноморское арабское государство, находится в эпицентре политической и экономической волатильности, которая затрагивает, в той или иной степени, все арабские государства этой части Ближневосточного региона. Ливан вот уже многие годы погружен в затянувшуюся на неопределенный срок социальную нестабильность и политический хаос. Разыгравшаяся в последние годы в Восточном Средиземноморье борьба за энергоресурсы лишь «подливает масла в огонь», став причиной усиления конкурентной борьбы ведущих мировых и региональных держав за влияние и контроль над странами этого региона.

Среди важнейших проблем, определяющих ситуацию в Ливане - серьезный экономический спад, достаточно высокий уровень безработицы и, как следствие, обострение социальных проблем, военные и террористические угрозы, криминал, коррупция, усиление внешнего воздействия. Несмотря на выделенную Ливану солидную финансовую помощь в размере $11 млрд в целях стабилизации экономики и реализации крупных инфраструктурных проектов (согласно решениям международной конференции Париж-4, апрель 2018 г.), остановить углубляющийся социально-экономический кризис в стране так и не удается. Валовой внутренний продукт Ливана во втором квартале 2019 г. сократился на 5% по сравнению с тем же кварталом предыдущего года, а по сравнению с аналогичными показателями 2017 г. - упал в 2,5 раза[1]. Ливан имеет отрицательное сальдо торгового баланса - экспорт товаров и услуг осуществляется на $3,91 млрд, а импорт достигает $20,8 млрд [8]. Внешний долг Ливана (в процентах от валового национального дохода) за период с 1989 по 2019 г., несмотря на колебания и временное снижение в 1993 г., имеет стойкую тенденцию к росту, увеличившись на 140% в 2019 г.[2]. По показателю уровня безработицы, по данным Всемирного банка за 1991 по 2020 гг., среднее значение для Ливана в течение этого периода составило 7,56% [9]. Показатель безработицы молодежи в возрасте 15-24 лет составил 17,27% в 2018 г. [10]. Данные показатели являются индикатором серьезных экономических проблем и вызовов для Ливана. Попытки ливанского правительства решить экономические проблемы за счет введения новых налогов привели к массовым демонстрациям осенью 2019 г., в которых участвовало до миллиона ливанцев, значительную часть которых составляла молодежь, в том числе студенты Бейрутского университета[3].

При этом страна демонстрирует стабильный рост населения, пик которого приходится на 2015-2019 гг.[4]. Среднее значение численности населения за период с 1960 по 2019 гг. составило 3,53 млн человек, при минимуме - в 1,8 млн (в 1960 г.), и максимуме - в 6,86 млн (в 2019 г.)[5]. К 2020 г. мусульман в Ливане проживало 66,3% (приблизительно поровну суннитов и шиитов - по 30%, 5,2% друзов, а также алавиты и исмаилиты), остальные 33,7% - христиане (мароните и католики - самые большие общины), небольшое число иудеев и др.

В период с 1960 по 2020 гг., по данным Центра демократии Клайна, в стране по показателю численности в процентах от всего населения наблюдалось стабильное падение численности христиан - при максимуме в 50,7% в 1960 г. и минимуме в 26,9% в 2013 г.[6]. В этот же период происходил стабильный рост численности мусульманского населения, при минимуме в 45% в 1960 г., и максимуме - 66% в 2012 г.[7]. Отмеченная особенность конфессионально-демографической структуры ливанского общества нашла свое выражение в системе конфессионализма, ставшей основой жизнедеятельности ливанского общества со времен «Национального пакта» 1943 г.

Уникальность Ливана состоит во всеобъемлющем проникновении конфессионализма во все сферы общества с целью обеспечения взаимодействия различных конфессиональных общин в интересах развития Ливана. Следует отметить, что система конфессионализма, ставшая результатом религиозно-общинного компромисса на начальном этапе независимости страны, со временем способствовала проявлению в Ливане феномена «*таифийя*», т.е. межконфессиональной разобщенности. Следствием этого стало углубление политической, социально-экономической и культурной обособленности общин [15, с. 60]. Многие политические силы Ливана выступают с серьезной критикой существующей конфессиональной системы, настаивая на необходимости построения современного светского государства с равными правами для всех граждан, независимо от их вероисповедания [7]. Однако конфессиональная принадлежность по-прежнему продолжает доминировать над общенациональной идентичностью, ослабляя горизонтальные общественные связи в ливанском обществе.

30 августа 2020 г. президент Ливана Мишель Аун в речи по случаю 100-летней годовщины со дня образования государства Великий Ливан призвал отказаться от конфессиональной системы формирования власти в Ливане и превратить его в светское государство. Президент пригласил духовных авторитетов и политических лидеров к диалогу для выработки и внесения соответствующих поправок в текст Конститу-

[1] Central Administration of Statistics, Republic of Lebanon. https://tradingeconomics.com/lebanon/gdp-growth-annual (accessed 15.10.2020)

[2] Ливан: внешний долг. Всемирный банк. https://ru. theglobaleconomy.com/Lebanon/External_debt/ (accessed 15.10.2020)

[3] Analyst: Israel Closely Watching Lebanon Protests. https://www.voanews.com/middle-east/analyst-israel-closely-watching-lebanon-protests (accessed 15.10.2020)

[4] Самыми большими в составе ливанского населения являются возрастные группы: от 25 до 54 лет (46,69%), то есть 1296250 мужчин и 1257273 женщин; и от 15 до 24 лет (14,98%), включая 417739 мужчин и 401357 женщин. - The World Factbook. Lebanon. https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/le.html (accessed 15.10.2020)

[5] Ливан: численность населения. https://ru. theglobaleconomy.com /Lebanon/Population_size/ (accessed 15.10.2020)

[6] Ливан: процент христиан. https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/christians/ (accessed 15.10.2020)

[7] Ливан: процент мусульман. https://ru.theglobaleconomy.com/ Lebanon/muslim/ (accessed 15.10.2020)

ции страны. По его мнению, Ливан из-за разделения власти по конфессиональному признаку де-факто представляет собой не единое государство, а «несколько республик», под общим флагом.

М.Аун призвал ливанское общество учитывать кризисную ситуацию в стране, усугубленную взрывом 4 августа 2020 г. в порту Бейрута, который разрушил половину ливанской столицы и унес жизни 190 человек. В результате последовавших массовых акций протеста 10 августа в телеобращении к нации премьер-министр Ливана Хасан Диаб объявил об отставке правительства, отметив, что «система коррупции оказалась сильнее ливанского государства»[8]. Правительство Х.Диаба, сформированное 21 января 2020 г., называли кабинетом технократов, оно опиралось на поддержку парламентского большинства, которое возглавляло пропрезидентское Свободное патриотическое движение и шиитский тандем «Амаль» - «Хезболла»[9].

В современном мире миграционная проблема стала серьезным глобальным вызовом для многих государств, она не обошла стороной и Ливан. Как государство-реципиент Ливан принимает мигрантов и беженцев из соседних стран, оказавшихся в зоне вооруженных конфликтов и войн. Например, на 2020 г. в стране насчитывалось 476 тыс. палестинских беженцев[10]. Создание на территории Ливана лагерей палестинских беженцев и ведение палестинцами вооруженной борьбы против Израиля с территории Ливана неоднократно приводило к трагическим последствиям для страны. В частности, такая ситуация стала триггером гражданской войны, длившейся долгих 14 лет (1975-1989 гг.), а также спровоцировало израильское вторжение в 1982 г. (операция «Мир Галилее»), а также войну Израиля против «Хезболла» в 2006 гг., приведших к значительным человеческим жертвам, экономическим потерям, разрушению ливанской инфраструктуры[11].

Региональные кризисы, в которые, так или иначе, был вовлечен Ливан, а также перманентные внутриполитические конфликты принуждали жителей этой небольшой арабской страны и, прежде всего, молодежь, покидать родные края и искать счастье за ее рубежами. Только в период опустошительной гражданской войны 1975-1989 гг. из Ливана уехали 900 тыс. человек, и лишь немногие из них впоследствии вернулись на родину [13, p. 54]. Иммиграция в Ливан из соседней Сирии, ставшей в период т.н. «арабской весны» «горячей точкой», доходила до 1 млн человек, что могло стать дополнительным дестабилизирующим фактором в обществе. Сложившаяся ситуация оказывала негативное влияние на этно-конфессиональный баланс в стране, усугубляя напряжение на рынках труда, создавая угрозу безопасности и способствуя росту уровня преступности в местах притока мигрантов и т.д.[12] [14].

В 2020 г. т.н. «индекс счастья»[13] в Ливане сделал в 2020 г. резкий скачок вниз и достиг своего минимума за период с 2013 по 2020 гг.[14]. Что могло на это повлиять? Существуют ли объективные основания для падения субъективного ощущения счастья у граждан Ливана? Сопровождается ли понижение «индекса счастья» пессимизмом и чувством безнадежности, или, наоборот, заставляет искать пути выхода из кризиса, мобилизоваться, стремиться к переменам и искать стратегических партнеров?

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЫБОРА АРАБСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В соответствии с выявленными в рамках страновых и региональных исследований проблемными зонами были созданы специальные опросные листы с целью изучения социальных представлений арабской молодежи относительно ключевых источников проблем и основных факторов их преодоления, т.е. - приоритетов регионального развития.

Социальные представления арабской молодежи определялись через выявление предпочитаемых и отвергаемых респондентами факторов регионального развития, а также через выяснение их отношения к различным аспектам социального, правового, внутри- и внешнеполитического, экономического, военного характера.

---

[8] Президент Ливана на фоне кризиса призвал изменить политическую систему. 30.08.2020. https://iz.ru/1054653/2020-08-30/prezident-livana-na-fone-krizisa-prizval-izmenit-politicheskuiu-sistemu (accessed 08.09.2020)

[9] Глава кабмина Ливана объявил об отставке правительства. 08.09.2020. https://iz.ru/1046518/2020-08-10/glava-kabmina-livana-obiavil-ob-otstavke-pravitelstva (accessed 15.10.2020)

[10] The World Factbook. Lebanon. https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/le.html

[11] Так, ущерб гражданской инфраструктуре в результате войны 2006 г. оценивался в $1 млрд: Ливан лишился трех аэропортов, 125 тыс. жилых домов, почти 700 школ, сотен дорог и 81 больницы. Объем средств, необходимых для реконструкции разрушенного, оценивался в $2,8 млрд [12, с. 102].

[12] Ливан: уровень ограблений с разбоем. https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/robery/ (accessed 15.10.2020)

[13] Помимо объективных показателей, таких, как ВВП на душу населения, социальная поддержка, ожидаемая продолжительность жизни, восприятие коррупции, на индекс счастья влияют и субъективные причины. Например, учитывались ответы на вопросы о прошедшем дне: смеялись? было ли ощущение счастья? испытывали беспокойство? гнев? [11].

[14] Ливан: индекс счастья. Всемирный доклад о счастье 2020. https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/happiness/ (accessed 15.10.2020)

Эмпирической базой исследования стали данные анкетного опроса респондентов - граждан стран региона (в настоящее время проживающих в РФ и являющихся представителями землячеств) - 158 человек, из них 47 ливанцев и 91 представитель других стран Ближнего Востока: Сирии, Египта, Марокко, Туниса, Иордании, Ирана - 82 - мужчины и 53 - женщины.

Анкетирование проводилось по авторской методологии и методике, адаптированной для Ближнего Востока[15]. Оценка предпочтений факторов регионального развития была проведена, в целом, по выборке (см. *диагр.* 1); по возрастным подгруппам: молодежь (17-29 лет) и группа старше 30 лет (см. *эннеагр.* 1[16]); в мусульманской подгруппе (см. *диагр.* 2) в подгруппах, сформированных по конфессиональной принадлежности: мусульмане и не-мусульмане (см. *эннеагр.* 2).

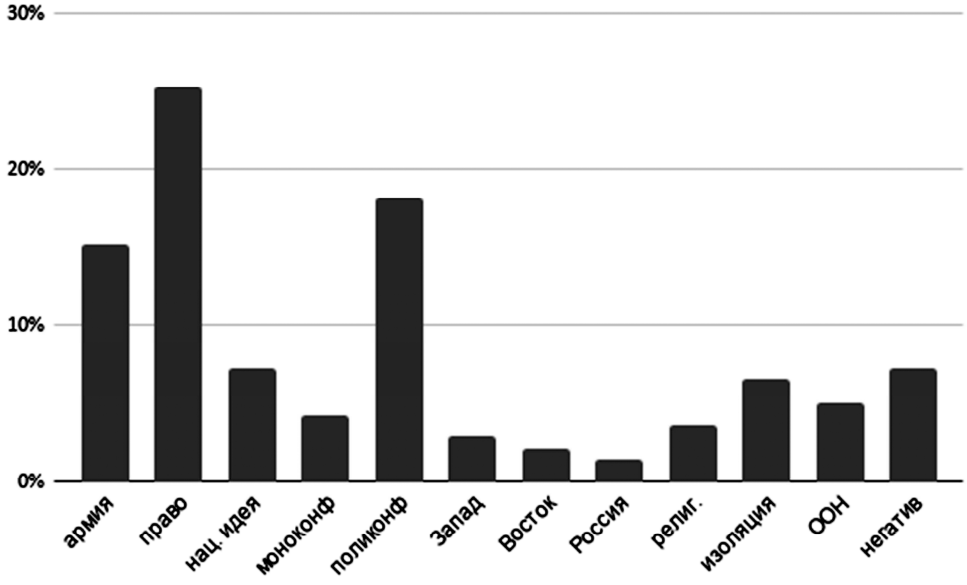

Диаграмма 1. Предпочтения респондентов (в целом по выборке)*.
Diagram 1. Preferences of respondents (for the sample as a whole).

***** Примечание: расшифровка обозначений (*диагр.* 1, 2; *эннеагр.* 1, 2):

1. Фактор военной силы: вооружение и оружие сдерживания (**армия**);
2. Законодательное поле в стране/регионе (**право**);
3. Национальная идея, проект будущего, патриотизм (**нац. идея**);
4. Реализация религиозного проекта (**религ.**);
5. Межэтническое и межконфессиональное сотрудничество, упор на светское государство (**поликонф**);
6. Развитие в рамках одной конфессии (**моноконф**);
7. Интеграция со странами консолидированного «Запада» (**Запад**);
8. Политика «Шагов на восток» и усиление взаимодействие с азиатскими государствами (**Восток**);
9. Усиление связей и многопрофильное сотрудничество с Россией (**Россия**);
10. Суверенитет и собственный путь развития, альянс ближневосточных государств (**изоляция**);
11. Фактор международного права (**ООН**);
12. Комплексный негативный фактор (отсутствие безопасности, патовая ситуация в экономике, отсутствие перспектив для молодежи) - (**негатив**).

Исследование было сконцентрировано на решении двух задач: 1. Какие факторы, по мнению респондентов, наиболее значимы в сложившемся кризисе? 2. Какие пути выхода из кризиса они видят?

По результатам исследования, респонденты считают наиболее значимыми следующие 3 фактора регионального развития. На первом месте стоит ориентация на «*право*», т.е. на закон и необходимость совершенствования правового пространства. На 2-м оказался фактор «*поликонфессиональность*», т.е. ориентации на межконфессиональное и межэтническое сотрудничество, включая «интраконфессиональное согласие» меж-

[15] Автор методологии и методики проведенного полевого исследования - Е.В.Харитонова. Авторская методика адаптирована к условиям Ближнего Востока с участием Е.М.Савичевой и В.И.Белова. Созданный методологический подход и предложенный алгоритм исследования социальных представлений в обществе изучаемого региона позволяет через полноценный оперативный скрининг ситуации в онлайн-режиме получать актуальный материал для анализа и прогноза по основным трендам развития социально-политической и международной ситуации.

[16] При составлении энниаграмм был использован метод стратегической матрицы, разработанный Институтом экономических стратегий РАН для оценки геоцивилизационной значимости цивилизаций (*прим. авт.*).

ду различными течениями ислама, без выраженного доминирования одной конфессии; как вариант - строительство «светского государства». Третьим по значимости фактором респонденты считают «*военный»,* т.е. военную силу, создание или закупку новейших систем вооружение, что указывает на интерес к обладанию оружием сдерживания, а также на наличие внешних военных угроз и низкий уровень безопасности.

Следующий по значению фактор, отражающий социальные представления респондентов о трендах развития региона - наличие «*национальной идеи»*, патриотическое воспитание молодежи, потребность в образе будущего, мессианстве, жизненных целях и ориентирах. В этом факторе отражено соединение прошлого (уважение к традициям) и будущего (наличие целей).

Другие 2 фактора, примерно одинаковые по значению: фактор «*изоляция*» от внешних влияний, суверенитет, укрепление единства ближневосточных государств и фактор надежды на международное право, международные правовые институты («*ООН*»).

Факторы ориентации на моноконфессиональное развитие региона и на реализацию исламского религиозного проекта выражены недостаточно сильно. По результатам исследования они не входят в систему социальных представлений респондентов о перспективных трендах развития, однако, их проявление выше в мусульманской подгруппе респондентов.

Предпочтения респондентов, выраженные в процентах, представлены на *диагр.* 1.

При разделении выборки на две возрастные группы - подгруппа 17-29 лет и подгруппа старше 30 лет (*эннеагр.* 1) различия в результатах минимальны, что позволяет говорить о тенденциях в целом по выборке без возрастных различий. Предпочтения респондентов оценивались в баллах - от 0 до 12.

В целом, по выборке выявлены закономерности: фактор «*право*» получил самые высокие ранги (9-10 балл.), фактор «*поликонфессиональность*» - на 2-м месте (8-9 балл.). Суверенитет, собственный путь развития страны/региона и альянс ближневосточных государств - фактор «*изоляция*» - на 3-м (8 балл.). По этому фактору существуют возрастные различия: в группе 30+ более выражена ориентация на временную изоляцию и суверенитет стран.

Эннеаграмма 1. Возрастные группы и средневыборочные показатели.
Enneagramm 1. Age groups and sample averages.

Комментарии респондентов, касающиеся совершенствования правового поля государств Ближнего Востока как необходимого условия развития и преодоления кризисных явлений, затрагивают различные аспекты юридического характера. Так, большинство респондентов отмечают необходимость усиления власти и законов внутри страны, реализацию принципа «Закон и порядок в стране», а также в качестве первоочередных задач называют борьбу с коррупцией, отмечая, что «*слабая и коррумпированная власть ведет страну к хаосу и экономическому развалу*»[17].

Значения выше средних выявлены для факторов регионального развития: 1) «Национальная идея, проект будущего, патриотизм» - «*нац. идея*»; 2) «Международное право» - «*ООН*»; 3) «Усиление связей и многопрофильное сотрудничество с Россией» - «*Россия*». Все три фактора в большей степени отражают социальные представления возрастной группы 30+.

[17] Из комментариев респондентов.

Комплексный негативный фактор - «*негатив*» (отсутствие безопасности, патовая ситуация в экономике, отсутствие перспектив для молодежи) имеет значения, близкие к нулевым, что особенно выражено у респондентов старше 30 лет.

Чрезвычайно показательны данные сравнительного анализа социальных представлений о факторах регионального развития (предпочитаемых и отвергаемых) в группе респондентов-мусульман в подгруппах «женщины» и «мужчины» (см. *диагр.* 2).

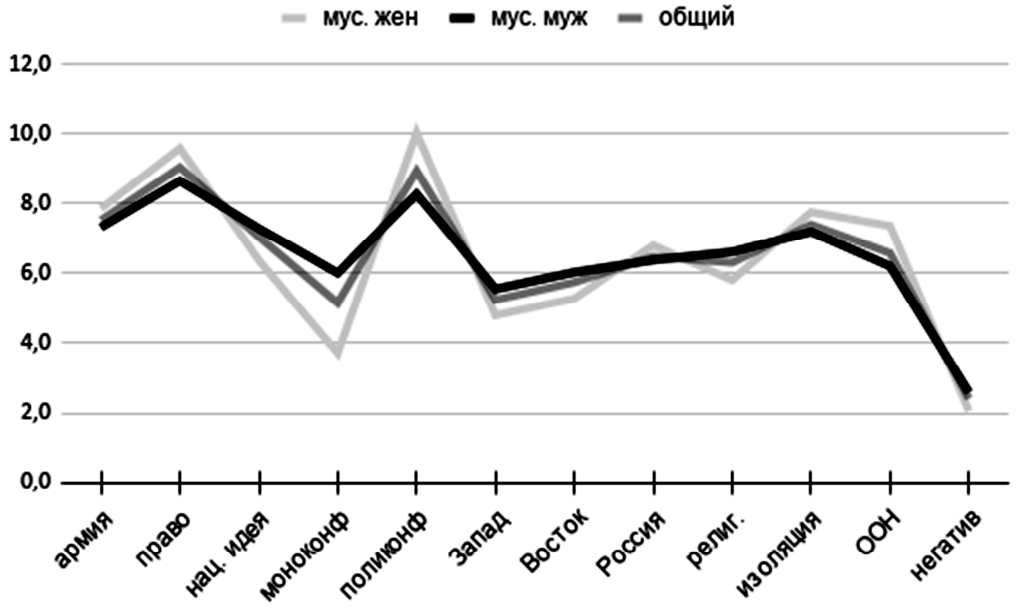

Диаграмма 2. Возрастные группы (17-29 лет; старше 30 лет) и средневыборочные показатели (общий) – линейные графические материалы.
Diagram 2. Age groups (17-29 years old; over 30 years old) and sample averages (general) – linear graphic materials.

Эннеаграмма 2. Мусульмане: мужская (мус. муж.) и женская (мус. жен.) подгруппы, средневыборочные результаты по группе респондентов-мусульман (общий).
Enneagramm 2. Muslims: male (mus. Male) and female (mus. Female) subgroups, average sample results for the group of Muslim respondents (general).

В целом, получены ярко выраженные пики предпочтения двух факторов регионального развития («*право*» и «*поликонфессиональность*»), и пики отвержения («*Запад*» и «*негатив*»).

На *эннеагр*. 2 четко просматриваются различия в оценках позиций представителями мужской и женской подгрупп, выраженные более существенно, чем в возрастных подгруппах. Опрошенные женщины-мусульманки в большей степени, чем мужчины-мусульмане, в качестве тренда развития предпочитают поликонфессиональность. Женщины-мусульманки приписали очень низкий ранг фактору «*моноконфессиональности*», в отличие от мусульман-мужчин, которые продемонстрировали предпочтение моноконфессионального развития и ориентацию на реализацию исламского религиозного проекта. Мужчины-мусульмане в большей степени, чем женщины, отвергают ориентацию на «*Запад*» и западные «демократические» ценности, а также гораздо ниже, чем женщины, оценивают значимость для развития региона международных институтов, таких как ООН.

Основные отличия в системе социальных представлений в мусульманской и немусульманской подгруппе касаются нескольких факторов регионального развития.

Так, ориентации на Закон и на качественное гражданско-правовое пространство (*право*) значительно более выражена у респондентов, не принадлежащих к исламской конфессии, в то время как в группе респондентов-мусульман роль этого фактора значительно ниже 8 баллов в мусульманской и 11 баллов - в немусульманской подгруппе. Это может быть косвенным свидетельством приоритета шариатского права над светской законодательной базой, однако, такое предположение требует дополнительного исследования.

Различия выявлены в оценке значимости фактора «*моноконфессиональность*»: мусульмане в большей степени ориентированы на моноконфессиональность как фактор антикризисного развития, в то время как в немусульманской подгруппе значение этого фактора значительно ниже. Среди респондентов-мусульман в комментариях к анкете было неоднократно высказано мнение, что одним из факторов, тормозящих развитие в странах Ближнего Востока и представляющим серьезную угрозу, являются противоречия и религиозные конфликты, раздоры между гражданами на межконфессиональной основе.

В этой связи знаковым является более высокая оценка фактора военной силы («*армия*»), включая создание или закупку новейших систем вооружения, в мусульманской подгруппе респондентов: «Для обеспечения национальной безопасности страна должна, прежде всего, иметь сильную независимую армию, не связанную с политическими партиями», - мнение женщины-мусульманки 26 лет.

В контексте предпочитаемого стратегического выбора интересно отметить выраженную положительную корреляцию между факторами «*Восток*» и «*Запад*». В обследованной выборке позиция на консолидацию со странами Востока (Тихоокеанский регион) и со странами Запада не была выбрана респондентами в качестве предпочитаемых трендов регионального развития, можно считать данные векторы стратегического партнерства равно нежелательными при создании альянсов на Ближнем Востоке. Полагаем, что респонденты рассматривают такую консолидацию как угрозу суверенитету и оценивают её в целом как «внешнее влияние». Ориентированность респондентов на изоляционизм, суверенитет и создание мощного альянса государств на Ближнем Востоке свидетельствует в пользу ренессанса панарабизма в Арабском мире.

Корреляция между фактором «*Интеграция с консолидированным Западом*» - демократические ценности, безопасность за счет вхождения в западные альянсы и фактором «*Ориентация на международные правовые институты, Совет Безопасности ООН*» стремится к нулю. В то же время, в мусульманской подгруппе социальные представления о значимости Запада и роли международных институтов в развитии региона отличаются от социальных представлений в немусульманской подгруппе: мусульмане ярко выраженно не делают ставку на «*Консолидированный Запад*».

Отметим, что ориентация на Россию как на стратегического партнера несколько выше в мусульманской подгруппе, однако это различие находится на нижней границе статистической значимости. В комментариях респонденты отмечали, что их «*страна в нынешней ситуации нуждается в экономической, социальной и политической безопасности, а этого нельзя достичь, если у граждан нет чувства патриотизма и если страна не строит прочных отношений с близкими и дружественными странами, такими как Россия и другие страны Ближнего Востока*». Причем «*оружие не является решением, а религия должна оставаться личным делом каждого человека*».

Вместе с тем, мы получили большое количество комментариев к анкетам, в которых подчеркивается роль России: «*Чтобы страна выжила, она должна быть в состоянии защитить своих граждан в военном отношении. Для такой маленькой страны, как Ливан, у нее должны быть сильные союзники, такие как Россия, чтобы поддержать ее*».

Заслуживает внимания оценка комплексного негативного фактора в системе социальных представлений опрошенных мусульман и не-мусульман. Данный фактор складывался из оценки ряда тезисов. Так, на вопрос, что может, на ваш взгляд, обеспечить национальную безопасность вашей страны и региона, один из вариантов ответа относился к негативному и пессимистическому представлению: «*Вряд ли что-то может помочь, ситуация практически безнадежная*». На вопрос «Что спасет вашу страну/регион?» предлагался ответ «*Уже ничего не спасет, регион и наша страна зашли в тупик*». По поводу экономического раз-

вития вариант ответа - «*Экономику моей страны и региона ждет кризис или коллапс, и самое лучшее сейчас - уехать отсюда*». И, наконец, на вопрос «Как вы думаете, на что сейчас больше всего надеются молодые люди в вашей стране?» был получен такой ответ: «*На эмиграцию, чтобы жить и работать в развитой безопасной стране*». В целом же, по всей обследованной выборке указанная категория ответов занимает нижние позиции в рейтинговом ряду. В то же время, получены статистически значимые различия в группах респондентов-мусульман и не-мусульман: представления у респондентов не-мусульман более пессимистичны, некоторые рассматривают для себя вариант эмиграции, в то время как в мусульманской подгруппе значимость негативного фактора стремится к нулю.

Когда речь идет о принятии серьезных решений, бывает полезно выйти за пределы системы научного анализа и воспользоваться взглядом со стороны. Таким взглядом для нас послужили экспертные интервью, в которых наиболее существенной причиной кризисных явлений в регионе было названо внешнее влияние, создающее военную, политическую, экономическую напряженность в регионе. По мнению экспертов, пессимистические настроения, а тем более желание уехать, у молодежи отсутствуют. Поэтому так необходим сегодня акцент на патриотизм при воспитании подрастающих поколений, ориентация молодежи на суверенное развитие своей страны, собственный путь развития без посторонних вмешательств. Ответы экспертов на вопросы предложенной анкеты практически по всем основным параметрам совпали с выявленными в ходе настоящего исследования социальными представлениями респондентов и предпочитаемыми ими трендами регионального развития. Так, низкая ранговая оценка была дана стратегическому партнерству и сближению с «*Западом*». Высокая ранговая оценка, данная политике расширения военного, экономического, политического и культурного развития с Россией, было сопровождено комментарием, что «*реализация этого тренда развития региона потребует усилий с обеих сторон*».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования определились следующие основные направления деятельности по стратегическому развитию стран Арабского Востока и в особенности - Ливана:

1) совершенствование правового пространства, которое, с одной стороны, будет противостоять росту преступности в ее различных проявлениях, включая профилактику террористических угроз, а с другой - обеспечит режим наибольшего благоприятствования для развития малого и среднего бизнеса и, вследствие этого, выход из экономического кризиса;

2) преодоление этноконфессиональных конфликтов, уход от моноконфессионального тренда развития региона, который доминировал в последнее десятилетие;

3) курс на временную изоляцию региона, освобождение от разрушительных экономических и политических воздействий, ориентация на сильный блок ближневосточных государств;

4) резкое снижение уровня возникших угрозу жизни и безопасности людей вследствие нарастания военных и террористических атак в регионе, возникающих как внутри, так и извне.

Молодежь Арабского Востока не считает «патовой» сложившуюся, хотя и очень сложную, ситуацию. Поэтому выраженное значение приобретает ориентация на суверенитет, внутреннее развитие, создание альянса ближневосточных государств, акцент на проработку национальной идеи и патриотическое воспитание молодежи, ориентация на собственный путь развития. Ожидания молодежи в Ливане можно выразить формулой: «право - порядок - согласие» (или: «бизнес - безопасность - диалог»). Для достижения нового качества жизни в Ливане понадобятся как политическая воля самих ливанцев, так и новое прочтение ближневосточного геополитического контекста основными региональными и евразийскими акторами, с включением в него уникального потенциала этого средиземноморского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Психология социального познания: 3-е изд. М.: Аспект Пресс, 2005.

2. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., и т.д. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М.: Аспект Пресс, 2002.

3. Емельянова Т.П. Социальное представление - понятие и концепция: итоги последнего десятилетия. *Психологический журнал.* 2001, т. 22, № 6. С. 39-47.

4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.

5. Бовина И.Б. Стратегии исследования социальных представлений. *Социологический журнал*. 2011, № 3. С. 5-23.

6. Sotirakopoulou K.P., Breakwell G.M. 1992. The use of different methodological approaches in the study of social representations. *Papers on Social Representations.* No. 1, pp. 29-38.

7. Fakhoury T. 2019. Power-sharing after the Arab Spring? Insights from Lebanon's Political Transition. *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 25, No. 1, p. 18.

8. Бочаров И. Ливан может стать новой «пороховой бочкой» Ближнего Востока. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/livan-mozhet-stat-novoy-porokhovoy-bochkoy-blizhnego-vostoka (accessed 11.10.2020)

9. Ливан: Уровень безработицы. измерения: процентов. Всемирный банк. https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/Unemployment_rate/ (accessed 15.10.2020)

10. Ливан: Безработица молодежи. Всемирный банк. https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/Youth_unemployment/ (accessed 15.10.2020)

11. Рейтинг счастья по странам. Всемирный доклад о счастье 2020. https://theworldonly.org/wp-content/uploads/2020/03/Izmenenie-v-rejtinge-schastya-stran-mira-s-2008-2012-po-2017-2019.png (accessed 15.10.2020)

12. Савичева Е.М. Ливан: место в истории, роль в политике, ситуация в стране. М.: РУДН, 2009.

13. The National Human Development Report. Lebanon. Youth and Development. 1998-1999. www.undp.org.lb (accessed 15.10.2020)

14. Савичева Е.М., Каур К.А. Сирийская миграция в Ливан: особенности и проблемы. *Вестник Томского Государственного университета. Серия: История.* 2019, № 60. С. 120-124.

15. Гончарова А.А., Савичева Е.М., Юртаев В.И. Исламский фактор в историко-политических процессах на Ближнем Востоке: новые реалии и тенденции. *Вопросы истории.* 2020, № 11, т. 2. С. 58-68.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. 2005. Psychology of social cognition. 3rd ed. Moscow. (In Russ.)

2. Andreeva G.M., Bogomolova N.N., etc. 2002. Foreign social psychology of the XX century: Theoretical approaches. Moscow. (In Russ.)

3. Emelyanova T.P. 2001. Social representation-concept and concept: results of the last decade. *Psychological journal.* Vol. 22, No. 6, pp. 39-47. Moscow. (In Russ.)

4. Durkheim E. 1995. Sociology. Its subject, method, purpose. Moscow (In Russ.)

5. Bovina I.B. 2011. Strategies for the study of social representations. *Sociological Journal.* No. 3, pp. 5-23. Moscow. (In Russ.)

6. Sotirakopoulou K.P., Breakwell G.M. 1992. The use of different methodological approaches in the study of social representations. *Papers on Social Representations.* No. 1, pp. 29-38.

7. Fakhoury T. 2019. Power-sharing after the Arab Spring? Insights from Lebanon's Political Transition. *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 25, No. 1, p. 18.

8. Bocharov I. Lebanon can become a new "powder keg" of the Middle East. (In Russ.). https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/livan-mozhet-stat-novoy-porokhovoy-bochkoy-blizhnego-vostoka (accessed 11.10.2020)

9. Lebanon: the Level of unemployment. measurement: percent. World Bank. (In Russ.). https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/Unemployment_rate/ (accessed 15.10.2020)

10. Lebanon: the Level of unemployment. World Bank. (In Russ.). https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/Youth_unemployment/ (accessed 15.10.2020)

11. The ranking of happiness across countries. World Happiness Report 2020. (In Russ.). https://theworldonly.org/wp-content/uploads/2020/03/Izmenenie-v-rejtinge-schastya-stran-mira-s-2008-2012-po-2017-2019.png (accessed 15.10.2020)

12. Savicheva E.M. 2009. Lebanon: place in history, role in politics, situation in the country. Moscow. (In Russ.)

13. The National Human Development Report. Lebanon. Youth and Development. 1998-1999. www.undp.org.lb (accessed 15.10.2020)

14. Savicheva E.M., Kaur K.A. 2019. Syrian migration to Lebanon: features and problems. *Tomsk State University Journal of History.* No. 60, pp.120-124. Tomsk, Russia. (In Russ.)

15. Goncharova A.A., Savicheva E.M., Yurtaev V.I. 2020. Islamic factor in historical and political processes in the Middle East: new realities and trends. Issues of history. No. 11, vol. 2, pp. 58-68. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Белов (Юртаев) Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, директор Центра африканских исследований РУДН, Москва, Россия.

Савичева Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва, Россия.

Харитонова Елена Владимировна, кандидат психологических наук, ст.н.с. Института Африки РАН, Москва, Россия.

Vladimir I. Belov (Yurtaev), Dr.Sc. (History), Professor, Peoples` Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

Elena V. Savicheva, PhD (History), Associate Professor, Peoples` Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

Elena V. Kharitonova, PhD (Psychology), Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received) 10.12.2020 | Доработана после рецензирования (Revised) 15.01.2021 | Принята к публикации (Accepted) 05.02.2021